

РОМАН-11

НАРОДНЫЙ
ЖУРНАЛ
МОСКВА

ГАЗЕТА

(1233)1994

Основана в 1927г.

КУЗНЕЦКАЯ КРЕПОСТЬ

Борис КУСТОВ

Борис Александрович Кустов родился 22 октября 1937 г. в Свердловске. В 1960 г. окончил Сибирский металлургический институт по специальности «Литейное производство черных и цветных металлов».

На Запсибе работает с ноября 1964 г. Производственник, до тонкостей чувствующий ремесло, прошедший путь от начальника участка до руководителя крупнейшего металлургического предприятия.

Ученый, кандидат технических наук. Действительный член Международной и Российской инженерных академий, председатель президиума Кузбасского филиала Российской инженерной академии, профессор.

В 1986 г. возглавил 30-тысячный коллектив АО «Западно-Сибирский металлургический комбинат».

ОБРЕТЕНИЕ ДОСТОИНСТВА

В январе я вернулся из очередной командировки, цель которой была все та же: добыть кредиты, чтобы не остановился комбинат. Достать деньги на зарплату.

Само собой, что заводские диспетчеры отыскивают тебя, где бы ни находился, их звонки в любом уголке России поднимают вместо будильника, и все же разговор по телефону — это одно, и совсем другое дело, когда завод вот он — за окном...

Так вышло, что в ответ на традиционный вопрос о неотложных заботах на этот раз мне первым делом сообщили: наутро в подшефном Доме Детства батюшка из соседнего села Ильинского будет крестить малых ребятишек, около ста человек, и главный инженер комбината только что собрал у себя начальников цехов: нужны крестные... Рафкк Сабирович, мол, и спрашивает: может, директор сам начальников цехов озадачит?

Каюсь, первая реакция была взрывная: делать им больше нечего, что ли?! Как вчера еще на линейке принимали в октябрюта, так, выходит, нынче скопом станем крестить, и крестные — снова по разнарядке?

Через несколько дней по новокузнецкому телевидению передавали репортаж о крещении, и тут мне кое-что приоткрылось. Оказывается, накануне руководители Дома Детства первым делом обратились, как теперь водится, к бизнесменам да предпринимателям, к тем самым «богатеньким», но ни один из них не Отозвался — вместо этого приехал не пожалевший денег на билет старый человек из Мысков, пришли с купленными на последние гроши подарками пожилые пенсионерки: священнику заодно пришлось крестить их, некрещеных, самих... А как доверчивотянулись к сельскому батюшке ребятишки! И как крепко обнимали за шею или держали за руку своих духовных матерей и отцов!..

ЛЮБОВЬ НИКОНОВА

Любовь Алексеевна Никонова родилась в 1951 году в селе Владимировка Самарской области.

Окончила Новокузнецкий педагогический институт. Работала учителем литературы, научным сотрудником литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского в городе Новокузнецке.

Публиковалась в центральной и сибирской периодике. Автор книг стихов «Скрипичный ключ» (Кемерово, 1974), «Праземля» (Кемерово, 1984), «Я живу под столетней ветлой» (Москва, «Сов. писатель», 1988); книги стихов и прозы «Перед чудом жизни» (Кемерово, 1990).

Член Союза писателей России. Живет в Новокузнецке.

ДОСТОЕВСКИЙ И ИСАЕВА: ВЕНЧАНИЕ В КУЗНЕЦКЕ

История любви Ф. М. Достоевского и М. Д. Исаевой и светлосна, и трагична.

Как известно, Достоевский встретил Исаеву в трудную пору своей жизни — во время солдатчины, которую он, бывший петрашевец, отбывал в Семипалатинске, после четырех лет омского острога.

Напомню внешний абрис этой истории.

Мария Дмитриевна Исаева была замужем за чиновником по особым поручениям таможни Александром Ивановичем Исаевым. «В своем браке, — как пишет современник, — она была несчастлива»: ее мужа преследовали неудачи, он пристрастился к алкоголю, потерял место, вверг жену свою и маленького сына в унижения и крайнюю бедность. Силы Марии Дмитриевны, натуры нервной, хрупкой и впечатлительной, были подорваны, к моменту знакомства с Достоевским она уже была глубоко больна чахоткой.

Достоевский полюбил «униженную и оскорбленную» женщину со «странным, подозрительным, болезненно-фантастическим характером».

В мае 1855 года Исаевы переехали из Семипалатинска в уездный городок Томской губернии Кузнецк: Исаев получил здесь место заседателя по корчемной части.

Достоевский поддерживал с Марией Дмитриевной переписку.

В августе 1855 года Исаев умер, и Мария Дмитриевна осталась в Кузнецке одна с маленьким сыном, почти без средств к жизни.

Достоевский пытался через друзей помочь ей материально; осенью 1855 года просил в письме ее руки; настойчиво хлопотал об улучшении своей участи, о помиловании...

В 1856 году переписка приняла драматический характер: Исаева сообщила Достоевскому о намерении выйти в Кузнецке замуж.

О настроении Достоевского в связи с этим говорят его письма: «Никогда в жизни я не выносил такого отчаяния», «Для меня все это тоска, ад», «Люблю ее до безумия», «Я погибну, если потеряю своего ангела — или с ума сойду, или в Иртыш», «Не заживает душа и не заживет никогда»...

В июне 1856 года Достоевский на два дня приезжал в Кузнецк, чтобы разрешить отношения с Марией Дмитриевной. Ему стали известны личность и имя его кузнецкого соперника — им оказался 24-летний учитель уездной школы Николай Борисович Вергунов.

Мария Дмитриевна не сказала Достоевскому окончательного слова.

В ноябре 1856 года Достоевский второй раз приехал в Кузнецк — уже в чине прапорщика, уже с надеждой на полное помилование — и провел в городе пять дней. В этот приезд он добился согласия Марии Дмитриевны на брак.

В конце января 1857 года он снова приехал в Кузнецк к Марии Дмитриевне — уже с намерением обвенчаться.

Венчание состоялось 6 февраля 1857 года в кузнецкой церкви во имя Одигитриевской (Смоленской) иконы Божией Матери. Поручателем со стороны жениха был его соперник Николай Вергунов.

Некоторые исследователи жизни и творчества Достоевского доказывают по косвенным источникам, что Достоевский, по мнительности и странности характера, пережил перед венчанием мучительные мгновения, боясь, что Исаева передумает, откажется от венца, «переметнется» к Вергунову.

Впоследствии эти волнения отразились в романе «Идиот», в сцене бегства из-под венца Настасьи Филипповны Барашковой.

В Кузнецке же все закончилось благополучно.

В середине февраля 1857 года Достоевский с женой уехал в Семипалатинск. В целом за три приезда он провел в Кузнецке 22 дня. Мария Дмитриевна Исаева прожила здесь год и 9 месяцев.

Брак их был несчастлив.

Через семь лет после венчания, в 1864 году, в Москве, в возрасте 36 лет, М. Д. Исаева умерла от туберкулеза.

В литературе о Достоевском существует много «интерпретаций» этой любви.

Но преобладают оттенки и вариации двух направлений: *дионисийского* (экзальтация, страсть, «грозное чувство») и «прозаического» («физиология, приземленность»).

Но и романтическое начало, и «прозаическое» принадлежат долгу, миру сему; это две стороны одной медали, два явления одного несовершенного мира, отпавшего от Творца.

Достоевский же был личностью громадной, вмещавшей не только стихии Земли, но и тишину Неба. Сын, житель и знаток мира океанного, он прозревал и святой мир. А это возможно только через Христа.

И его отношения с Марией Дмитриевной Исаевой, неровные, тревожные, болезненные («земные»), тем не менее, смягчены настоящим христианским омовением («небесным»).

Сразу после выхода из омского острога, перед отправлением в Семипалатинск, он написал Н. Д. Фон-визину:

«...я сложил себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной».

Он имел право говорить, что он — «со Христом». Четыре года в остроге он мог читать только одну книгу — там разрешалось только Евангелие. Это гениальный-то писатель и гениальный читатель! Четыре года чтения одной и той же книги — *богооткровенной*. Четыре года только со Христом... Это не оценено еще. Не понятно...

И еще он скажет: «Я социалист, но переменял идеал с эшафота. Великая идея Христа, выше нет».

И вот после эшафота и каторги, с обретенным, сознательно исповедуемым Христом в сердце, встречает он в Семипалатинске прекрасную, самоотверженную, но обездоленную, обделенную и уже смертельно больную женщину. «Женщину души возвышенной», доживающую, как он писал, «свою последнюю мысль»...

Разве мог он не откликнуться?

Исаева — хотя и первая, но довольно поздняя любовь Достоевского (в 1854 году, когда он приехал в Семипалатинск, ему было 33 года). Зрелое чувство собралось в себе разные виды любви. Оттого в этой любви Достоевский так многолик. Недаром многие удивляются, как рядом с крайними аффектами проявляла в нем себя чуть ли не «мещанская» заботливость о шляпках для Марии Дмитриевны, кошельках, шкатулочках...

Но среди волнений человеческой любви в сердце Достоевского не прекращалось высшее христианское чувство, образующее вокруг Марии Дмитриевны как бы «зону» сострадания, милосердия, прозрачной нежности, участия.

«Ее счастье я люблю более собственного».

Сам будучи в Семипалатинске еще бесправным, совершенно не обеспеченным, он умудрялся оказывать ей денежную и моральную помощь, да еще так, чтобы она как можно меньше знала, откуда эта помощь исходит.

«Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас...

...Когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне...»

Достоевский даже брата своего Михаила Михайловича заставлял посылать из Петербурга в Кузнецк Марии Дмитриевне ободряющие письма, сам заготавливая тексты для них, то есть будучи их прямым автором!

Конечно, был здесь и расчет: показать Исаевой, что родственники Достоевского относятся к ней доброжелательно (чтобы ускорить ее выбор в пользу Достоевского), но главное было все же в другом — в том, чтобы всеми средствами поддержать, спасти измученную, одинокую, недугующую душу.

Это прозрачное евангельское касание хотя бы гипотетического спасения распространялось и на близких Марии Дмитриевны, на ее сына Пашу, которого Достоевский пытался определить в Павловский корпус в Петербурге, на ее несчастного мужа, даже на ее кузнецкого избранника Вергунова.

Отношение Достоевского к Александру Исаеву — совершенно христианское (вплоть до эпитафии на надгробной плите, возложенной им в Кузнецке на могилу страдальца, — новозаветные слова «Аз есмь истина и живот, веруй в Мя имать живот вечный»; вплоть до образа Мармеладова в «Преступлении и наказании», литературного двойника Александра Исаева).

В его отношениях с молодым соперником Вергуновым также чувствуется биение этой христианской жилочки: здесь было и братание с кузнецким учителем, и хлопоты о его благоустройстве; а при свершении таинства венчания жених Достоевский имел своим поручателем именно Вергунова...

И это при том, что Достоевский любил Исаеву аффективно, до предельных (по письмам судя) страстных состояний; это при том, что наряду с ободряющими, добрыми письмами способен был отправить ей «письмо отчаянное, ужасное, которым растерзал ее»...

Не чудно ли он был и ревнив?

Но аффективное растворялось в христианском, земное очищалось небесным.

Христианское выражалось еще и в том, что, в сущности, Достоевский отдавал себе отчет в обреченности Исаевой — и, борясь за нее, благодетельствуя, вытаскивая ее из нужды и сумерек, да и самого себя спешно выводил из тяжелых обстоятельств именно ради нее («не за солдата же выйти ей!»), он желал вернуть ей утраченное достоинство, порадовать настрадавшееся сердце, вылечить женщину-подранка.

Исаева была «вдова и сирота в полном смысле слова» — и не только физический недуг развился на почве этого, но был недуг и более страшный — душа ее была поражена отчаянием.

Достоевский, спасая Исаеву, боролся со смертью. И все же он не представлял всей необратимости отчаяния, в котором несколько печальных лет провела его будущая жена; не знал, как глубоко уже сидит в ней жало смерти.

Так и будущий герой его князь Мышкин, вступившись за обреченную Настасью Филипповну, безнадежно опоздает со своей помощью, так же не рассчитает своих сил и не предотвратит гибели отчаявшегося существа.

Но все это откроется позже. Высший же момент кузнецко-семипалатинского периода — венчание в Кузнецке, в Богородичной Одигитриевской церкви (Одигитрия, как известно, означает: Путеводительница).

Все устремления Достоевского, все страхи, надежды, радости, все страдания и волнения слились в нечто единое во время этого события.

И все разрешилось в храме. Для понимания этого важно глубокое наблюдение Павла Флоренского о том, как во время богослужения разрешаются в храме человеческие эмоции:

«Назначение культа — именно претворять естественное рыдание, естественный крик радости, естественное ликование, естественный плач и сожаление — в священную песнь, в священное слово, в священный жест. Не запрещать естественные движения, не стеснять их, не урезывать богатство внутренней жизни, а напротив — утверждать это богатство в его полноте...»

Култ, по мнению священника-философа, «доводит каждый аффект до его наибольшего возможного размаха, открывая ему беспредельный простор выхода; он приводит его к благотворному кризису, очищает».

Все, что мучило, окрыляло, приводило в смятение, переполняло Достоевского в его сложных добрых отношениях с Исаевой, нашло в кузнецкой церкви «беспредельный простор выхода», превратилось во время венчания «в священное слово, в священный жест» и вознеслось вверх...

И священник Евгений Тюменцев, венчавший Достоевского и Исаеву, как бы подвел черту под былыми потрясениями, произнес необходимую молитву:

«Господи Боже наш, пришедый в Кану Галилейскую и тамошний брак благословивый, благослови и рабы Твоя сия Твоим промыслом по общению брака сочетавшася; благослови их входы и исходы; умножи во благих живот их; восприими венцы их в Царствии Твоем нескверны; и непорочны и ненаветны соблюдай во веки веков...»

«Брак чист. Ложе нескверно. Тайна сия велика есть... Но — «мы не жили с ней счастливо», — скажет Достоевский.

Известно, что супруги не обрели желаемого счастья, что благие намерения Достоевского наполнить радостью омраченную душу Исаевой не осуществились и что любовь Достоевского — в том виде, в каком заявляла она о себе до брака, — довольно скоро померкла.

Причину видят, прежде всего, в Достоевском, в его

тяжелом характере, в двойственности его натуры, в отягощенности страстями.

Но почему же тогда князь Мышкин, настоящий христианский агнец, неотягощенный ни злом, ни грехом, не смог дать счастья Настасье Филипповне, которая, как и Мария Дмитриевна, «страдала много»?

Дело, наверное, в том, что и Мария Дмитриевна, и Настасья Филипповна — натуры, сожженные отчаянием. К моменту встречи со своим избавителем они уже сгорели в непосильной борьбе со злом, уже перешли грань, отделяющую жизнь от ее таинственного антипода.

«Как трудно жить среди людей и притворяться непогибшим...»

«Я отказалась от мира, — писала Настасья Филипповна в сокровенном письме в романе «Идиот». — Я уже почти не существую и знаю это. Бог знает, что вместо меня живет во мне...»

Болезнь Марии Дмитриевны перешла в умирание. Достоевский состоял в браке с женщиной, уже уходящей с земли, уже почти не присутствующей в этой жизни — ни душой, ни телом.

«Сердце ее рыцарское», душа ее — хрупкая Психея — все было расстроено до крайности.

Она не могла посвятить свои силы Достоевскому, как это сделала впоследствии Анна Григорьевна Сниткина, его вторая жена, — не могла, потому что сил таких не имела.

Оставалось Достоевскому одному поддерживать этот брак и отдавать свои силы жене умирающей.

И он делал это, как мог. Может быть, делал это лучше, чем принято считать.

Мы мало об этом знаем, потому что тиха и печальна в своем закате эта любовь. Она заслоняется другими сторонами жизни Достоевского — прежде всего, литературой и яркими отношениями с Апполинарией Сусливой.

Но если Апполинария была для Достоевского «инфернальницей», огромным душевным и чувственным соблазном, как бы специально рассчитанным на великого христианина, то Мария Дмитриевна оставалась христианской судьбой его, крестом его, от святого венчания данным, ибо «что Бог сочетал, того человек да не разлучает».

На требование Апполинарии расторгнуть брак с Исаевой Достоевский ответил отказом. Христианин «не может бросить того, с кем сжился сначала первой, живою и ясною любовью, по слову апостола, «милосердствующей, потом любовью «долготерпящей», наконец, любовью «верующей»...»

И если кузнецкое венчание (6 февраля 1857 года) явилось апофеозом первой любви Достоевского, то его «верующая» любовь достигла наивысшего выражения в первые часы после смерти Марии Дмитриевны (16 апреля 1864 года).

Он написал тогда объяснение их отношений — именно с христианской точки зрения, сверяя свой опыт с высшим идеалом, со Христом, и произнося суд над собой в свете Христа.

Он признал, что не смог выполнить до конца заповедь Христовой любви.

Но кому из земнородных удалось это в полной мере? Ведь и Евангелие говорит нам, что «человекам это невозможно» и подлинно только Богу. И однако без стремления к Божественному идеалу бессмыслен и несостоятелен человек.

«Мама лежит на столе. Увижусь ли с Машей? Возлюбить человека, как самого себя, по заповеди Христовой, — невозможно. Закон личности связывает. Я

препятствует. Один Христос мог, но Христос был вековечный от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек.

Между тем, после появления Христа, как идеала человека во плоти, стало ясно, как день, что... высочайшее употребление, которое может сделать человек из своего я, — это как бы уничтожить это я, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно.

И далее идет объяснение того страдания, которое пронизывало отношения с Исаевой:

«Когда человек не исполнил закона стремления к идеалу, то есть не приносил любовь в жертву своего я людям или другому существу (я и Маша), он чувствует страдание и назвал это состояние грехом».

Итак, жертва, по мнению Достоевского, была недостаточной. Всего себя он не отдал Марии Дмитриевне. Но и Мария Дмитриевна, в силу трагедии своей личности, не могла посвятить ему себя.

Эти размышления о жертве неизбежно соотносятся в корне своем с православными таинствами — крещением, свхаристией и венчанием, в основе которых и лежит как раз жертвоприношение.

По сути дела, в записи, сделанной Достоевским перед гробом жены, он как бы сверил обеты венчания с их реальным воплощением в жизнь.

Семь лет назад в Кузнецкой церкви Достоевский и Исаева приняли венцы — Крест и аскезу, в которой каждый новобрачный умирает для себя, чтобы жить для другого. Из одной чаши пили они вино — в знаменование того, что разделят друг с другом чашу жизни. И в знак принесения любви земной в жертву любви Божественной, христианской, три раза с соединенными руками обошли аналой.

И вот эти священные действия, эти символы и стоящие за ними христианские установления отозвались теперь в Достоевском ощущением не вполне осуществленной им брачной жертвы.

И он произнес слово «грех» и сознал свой грех. И его дневниковая запись от 16 апреля 1864 года стала словом покаяния. В этом проявился его истинный лик христианина. Ведь христианин — это не значит безгрешный; это значит — кающийся, сознающий себя грешником, виноватым за всех и вся.

И не случайно спустя несколько лет сам преподобный Амвросий Оптинский, святой сердцевед, к которому писатель ездил исповедаться, сказал о Достоевском: «Этот — из кающихся»...

Семипалатинско-кузнецкий период Достоевского закончился со смертью Марии Дмитриевны Исаевой, «когда ее засыпали землей». Примечательно, что этот период для Достоевского начинался с подъема веры (письмо к Н. Д. Фонвизинной, январь 1854 года), с образа Христа-путеводителя — и закончился тоже Христом — искупителем греха человеческого.

Второй брак Достоевского — с Анной Григорьевной Сниткиной — оказался, как принято говорить, счастливым.

Судя по ряду поразительных совпадений, в предначатии своем он складывался, как своеобразное повторение первого.

Приведу несколько доказательств.

В ноябре 1856 года Достоевский окончательно объяснился с Исаевой и получил ее согласие на брак.

Объяснение со Сниткиной и предложение быть его женой тоже, спустя 10 лет, пришлось на ноябрь (8 ноября 1866 года).

В период «жениховства» Достоевский, как пишет А. Г. Сниткина, приезжал к ним «всегда благодушный, радостный и веселый».

О радостном настроении Достоевского, когда он приехал в Кузнецк венчаться с Исаевой, свидетельст-

вуют кузнецкие: «...бывал в очень веселом расположении духа, шутил, смеялся» (статья В. Ф. Булгакова «Достоевский в Кузнецке», газета «Сибирская жизнь», № 29 — от 10 октября 1904 г. Литературное приложение).

То есть в обоих случаях состояние примерно одинаковое.

«...мы назначили свадьбу на среду перед масленой, 15 февраля, и разослали приглашения друзьям и знакомым», — рассказывает Сниткина о событиях февраля 1867 года.

Венчание Достоевского и Исаевой состоялось тоже в феврале, десять лет назад (6 февраля 1857 года).

И в том и в другом случае с бракосочетанием спешили, потому что приближался Великий Пост, во время которого венчаться нельзя.

С Марией Дмитриевной Исаевой Достоевский венчался в сибирском городке Кузнецке, в местной церкви Одиотриевской Божией Матери.

Венчание с Анной Григорьевной Сниткиной совершено было в Измайловском соборе в Петербурге.

Между этими храмами лежит «дистанция огромного размера».

Но переживания Достоевского и в том, и в другом храме перед венчанием были одни и те же.

В Одиотриевской церкви он боялся отказа Марии Дмитриевны от таинства брака и ее бегства. А вот что было в Измайловском соборе. Рассказывает Анна Григорьевна Сниткина:

«Я... вышла из кареты и, закрыв фатою образ, вошла в собор. Завидев меня, Федор Михайлович быстро подошел, крепко схватил меня за руку и сказал:

— Наконец-то я тебя дождался! Теперь уж ты от меня не уйдешь!

Я хотела ответить, что и не предполагала уходить, но, взглянув на него, испугалась его бледности. Не дав ответить мне ни слова, Федор Михайлович быстро повел меня к аналою».

Само торжество и в провинциальной, и в столичной церкви проходило в схожей обстановке.

«За народом едва можно было протолкаться вперед... Дамы были все разнаряжены... В церкви — полное освещение» (венчание в Кузнецке, описанное в статье В. Ф. Булгакова).

«Церковь была ярко освещена, пол прекрасный хор певчих, собралось много нарядных гостей...» (венчание в Петербурге, описанное в мемуарах А. Г. Сниткиной).

Этими повторами как бы подтверждались неукоснительная воля Божия, ведшая Достоевского именно таким путем к торжеству христианского брака.

Вновь повторились обряды, священнодействия и молитвы святого таинства, и вновь была принесена жертва Богу и друг другу.

На этот раз это была полная жертва с обеих сторон.

СОКРОВИЩЕ ТИШИНЫ

1. ЗАХОЛУСТНЫЙ СЮЖЕТ

Отчего так привлекательны захолустные церковки? Где-нибудь в глухомани, в срединных равнинах русской земли, порой ничего и нет, кроме церкви. В каком-нибудь почти несуществующем месте вдруг явится зеленый куполок, блеснет на солнце православный крест...

Мне кажется, есть какое-то древнее счастье в том, чтобы выйти по лесной дороге именно к церкви; есть